

ИЗ СБОРНИКА
«АНДАЛУЗСКАЯ ШАЛЬ»

БАБКА

Оставшись в сорок лет вдовой, Елена обнаружила, что живет лишь наполовину, в безжалостной и безвыходной пустоте. Муж никогда не был ей близок. Она жила, а вернее, произрастала рядом с этим скупым торговцем, как сорняк, которому нужно совсем немного земли и влаги, чтобы не умереть. Но после того, как муж скончался, она почувствовала себя так, будто все это время лежала в летаргии и вдруг, словно разбуженная внезапным жестоким ударом, увидела зиму, которая окружала ее сон и которая теперь не могла дать пищу ее бодрствованию. Дом, оставленный ей мужем, был зажат в одном из тех темных ущелий, которые в городе встречались на каждом шагу. Город был построен народом тор-

говцев и моряков на хребте холма, состоящего целиком из уступов и террас, так что одни дома вздымались ввысь, к солнцу, если смотреть из порта, другие были втиснуты между лестницами и проулками, где часто вспыхивали драки и где жадно раздутыми ноздрями ловили запах моря, донесенный ветром.

В комнатах с голыми стенами и высокими потолками была расставлена пошлая и безликая мебель, купленная по случаю или сделанная заурядными ремесленниками. В дырах гнездились мыши и тараканы, и Елена бродила по этим комнатам, как по дну колодца. Глазами она искала света, но ей все казалось, что она замкнута среди гладких, не имеющих выхода стен, через которые она постоянно и безуспешно пыталась пройти. Ее не отпускала какая-то тоскливая растерянность, и в конце концов она решила уехать.

Муж оставил ей значительное состояние, но мысль, что она теперь свободна и богата, не могла сбить с нее привычку к тому одинокому покою, который всегда ее окружал. И вот она решила уехать в деревенский дом, которого никогда не видела, хотя тот и числился среди ее имущества. Она знала, что

дом большой и тихий и что первый этаж сдан в аренду, а второй свободен и там вполне можно жить. Елена попыталась представить, как называется деревня, что за дом, какая в тех местах река, какая церковь, и от желания потрогать собственными руками все эти воображаемые вещи у нее перехватило горло, и она заплакала. Она долго плакала перед мутными оконными стеклами, за которыми лежал грязный проулок, и плечи ее не вздрагивали. У нее была высокая фигура, без округлостей, с рублеными, почти мужскими, но странным образом мягкими формами. Эту мягкость, возможно, придавала ей медленная и рассеянная походка, хрупкость запястий и прозрачных пальцев, и певучий голос, звучащий порой неожиданно звонко. На бледном вытянутом лице хотя и не было морщин, лежала усталость, словно бы желание отдыха и разложения, а глаза казались полными внутреннего света и особенно выразительными под темными, всегда небранными волосами. Улыбка ее была нежной и мягкой, хотя зубы испорчены.

Она начала готовиться к отъезду со спокойной страстью, похожей на медленную ли-

хорадку. Опустошала шкафы и ящики, время от времени останавливаясь, задерживая блуждающий бредящий взгляд на одежде. В огромном свадебном сундуке в углу комнаты хранились вещи для новорожденных, которые Елена сшила когда-то сама. В браке она была бесплодна, но желание иметь детей горело в ней в девичестве и в замужестве. И в бесполезном ожидании, чувствуя, как ее чрево иссушается этой безнадежной жаждой, она шила эти роскошные вещи и украшала слюнявчики и распашонки вышивкой, охваченная той же детской мистической радостью, с какой монахини расшивают ризы. Много дней своего замужества она провела за этим занятием, которое иногда умиляло ее, а иногда угнетало до боли. Она пробовала представить себе в этих пеленках живые, нежные тела и ночью вскакивала, почувствовав во сне, что в животе у нее шевелится ребенок. Теперь же она одну за другой вытаскивала из сундука эти одежды, взвешивала их в руках и гладила. На нее снова навалилось старое горе, и темная стена нависала над ней, как кошмар. Но она подумала, что должна ехать, и встряхнулась.

Эти детские вещи были засунуты в баулы и уехали с остальным багажом.

Стояла осень, и вокруг ждавшей ее деревни расстилалась сероватая местность, на которую деревья с красной листвой были набросаны редкими пятнами. Дома были бурые, с красными и черными крышами, одни — приземистые, в один этаж, другие — узкие и длинные, с одинаковыми амбразурами окон. Иногда за распахнутой дверью виднелся горящий очаг, а вдоль улиц в склизкой грязи брели стада быков и лошади, везущие крестьян в зеленых плащах. На краю деревни бежала речка цвета мела, вспухшая от дождей, которая после неожиданного порога превращалась в стремительный поток и неслась дальше в кипящей ярости водоворотов. Через реку перекинулся узкий железный мост с легкими опорами, со стрельчатой аркой при входе. Недалеко от него виднелся дом Елены.

Он был простой, вытянутый, с двускатной крышей. В забранном плетнем огороде среди травы росло одно дерево с чахлым стволом — айлант, прозванный «райским деревом» из-за необычайной быстроты роста. Его крона достигала уже второго этажа.

Внизу дом окружала грубая колоннада, а с правой стороны на второй этаж вела внешняя лестница. Комнаты были просторными, мебели мало, и каждый шаг по кирпичному полу отзывался металлическим отзвуком. В плоскость беленных известью стен врезались ниши, двери, альковы, а из узких окон вверху наискось лился бледный свет. Вытянувшись на цыпочках к окну, Елена простояла так до ночи, глядя, как бежит речка, как проходят по грязной улице лошади и тускнеет небо.

Когда стемнело, она подумала, не оповестить ли о своем прибытии жильцов с первого этажа. И вот Елена спустилась в огород, где воздух стал уже колючим, и постучалась в дверь.

— Открыто! — ответил глубокий, певучий голос.

Елена ступила за порог и, ведомая ярким светом, который пробивался в коридор, прошла на кухню. Прямо над дверью висела лампа, бросающая белый мерцающий свет, а за столиком сидел человек, который ей только что ответил (Елене показалось, она знакома с ним давным-давно); ножом, изогнутым на-

подобие серпа, он вырезал на грубо обтесанном полене человеческие черты. Вообще-то Елена уже знала, что ее жилец — резчик, изготавливающий фигуры святых.

Ему было, наверное, лет двадцать пять, и при всей мужской крепости облика лицо у него было женственное, почти незавершенное, как лица мальчиков, — с большими голубыми глазами и изогнутыми ресницами, с мягкими, сочными губами и рыжими волосами, выющимися и растрепанными. Белый пушок на лице, вместо того чтобы делать его более грубым, напротив, придавал нежность медно-загорелой коже, а легкое движение его крепких запястий вокруг бревна имело таинственный и сказочный смысл, как в детских играх. На ногах у него были большие тапки, подбитые кожей.

После минуты замешательства он поднялся навстречу вошедшей Елене и, пробормотав приветствие, в одно мгновение покраснел, а его руки между тем не перестали колдовать над поленом.

— Я хозяйка дома, — сказала она уже с большей уверенностью и спокойствием. — Приехала сегодня.